

Белугина Е.В.

Внешний облик как культурно-исторический феномен

Статья посвящена теоретическому анализу внешнего облика как культурно-исторического феномена, в ней рассматриваются культурологические, исторические и этнографические исследования, затрагивающие проблему внешнего облика. Сделаны выводы о том, что внешний облик включен в определенную исторически и культурно детерминированную перспективу, показана социокультурная вариативность представлений о внешности человека, его внешнего выражения, а также трансформация функций различных элементов внешнего облика в ходе исторического развития. Также сформулированы выводы о том, что внешний облик вовлекается в возрастную социокультурную стратификацию, является важным элементом системы возрастного символизма, выступает в качестве символа исторической трансформации возрастных категорий, исторической дифференциации возрастных периодов, фиксируется в эталонных возрастных репрезентациях внешнего облика. Подчеркивается, что внешний облик является сложным и исторически изменчивым социокультурным конструктом, культура и этнос конструируют как формы его восприятия, так и способы его репрезентации.

Ключевые слова: внешний облик, культурно-историческая трансформация внешнего облика, возрастной символизм.

В рамках психологии экспрессивного поведения [15] формируется представление о внешнем облике как «системном» образовании, представляющем собой не только психологическое и социально-психологическое, но и сложное социокультурное явление, имеющее историческую происхождение и природу. В этой связи задачей данной статьи является анализ внешнего облика как культурно-исторического феномена, что диктует необходимость обращения к культурологическим, историческим и этнографическим исследованиям, затрагивающим проблему внешнего облика.

Понимание феномена внешнего облика в нашей работе мы формулировали в соответствии с представлениями о природе и функциях внешнего Я личности [15]. Внешнее Я рассматривается как форма объективизации внутреннего мира личности, репрезентация идентичности субъекта вовне. Внешний облик представляет собой динамическую, вариабельную, конструируемую совокупность трех взаимосвязанных подсистем: статических (физиогномика, индивидуально-

конституциональные характеристики человека), среднединамических (оформление внешности: одежда, прическа, косметика, у крашения, искусственные запахи (духи), аксессуары) и динамических параметров выражения (экспрессивное, невербальное поведение). Внешний облик функционирует в ситуации общения в связи с необходимостью представлять себя другому, конструировать себя для него. Он состоит из культурно-исторических, социально-символических, ситуативных и аситуативных компонентов, имеющих различную степень осознанности, интенциональности, целенаправленности. Внешний облик как конструкт, как сложный паттерн поведения является полисемантическим, ценностно-смысловым образованием, на интерпретацию которого влияет весь комплекс характеристик ситуации общения, встроеной в определенный социокультурный контекст.

Логика нашего анализа будет выстраиваться в соответствии со структурой внешнего облика – его статических, среднединамических и динамических компонентов.

Анализ статических компонентов внешнего облика предполагает обращение к категории телесности, изучение которой в социокультурном и историческом контекстах связано с описанием определенных культурно-исторических типов телесности, с исследованиями динамики телесных канонов как некоего результата «осознания отдельных компонентов своего телесного бытия» [11, с. 256] в определенном культурно-историческом пространстве. В этой связи формулируется представление о том, что индивидуальное восприятие тела, как и способы его репрезентации, зависят от свойственной данной культуре телесного канона, включая характерные для нее запреты, табу, нормы стыдливости, историческая эволюция которых трансформирует формы восприятия и репрезентации телесности [10]. По мнению С.Н. Яременко, «телесный образ является критерием для различения эпох. Внешний телесный облик выступает важнейшей чертой физиогномии эпохи наряду с искусством, религией, наукой... Телесный образ и его понимание претерпевают ряд культурно-исторических превращений...» [27, с.13].

Этнокультурная специфика телесных образов фиксируется в этнографических исследованиях, реконструирующих складывающиеся в различных этносах картины мира, в связи с изучением традиционных представлений разных народов о строении и развитии человеческого организма. Соматические представления, этнические символы тела, отраженные в различных верованиях, обрядах, фольклорных текстах, трансформируются в народные концепции человеческого тела, этнические образы тела [18, 25, 27].

Культурно-исторической трансформации подвержены не только телесные представления и образы. В контексте идей социального конструирования реальности подчеркивается социокультурная детерминация направления организмического

развития человека и гибкости его биологической конституции [2]. Доказательствами данной позиции являются существующие в каждой культуре различные формы проявления сексуальности и других физиологических потребностей, специфические образцы сексуального и пищевого поведения, эмпирическая относительность и разнообразие которых указывает на то, что они являются «скорее продуктом созданных человечеством социокультурных образований, нежели биологической человеческой природы» [2, с. 84].

Культурно-исторический контекст исследования среднестатистических компонентов внешнего облика – элементов его оформления – фиксирует динамику отношения человека к одежде, причёске, укладке, искусственным запахам, изменению их функций под влиянием различных культурно-исторических факторов.

В истории человечества одежда, предназначенная первоначально для защиты человеческого тела от неблагоприятных климатических условий, вскоре приобретает социально-символический статус, превращается в «сосуд социальных содержаний» [27, с. 32]. У же во многих первобытных и древних обществах, отмечает Г.Спенсер [по 7], опираясь на большой этнографический материал, лишение одежды, отсутствие ее становится отличительным признаком пленника, обращаемого затем в раба; напротив, наличие одежды, и по возможности больше, – признак завоевателей, знати. Исследователями истории одежды [3, 6, 8, 21, 23] зафиксированы многочисленные ее функции: функция адаптации человека к климатическим условиям; защитная функция; функция укладке; демонстрации нравственности; функция возрастной, половой, национальной, социальной идентификации; эстетическая функция; функция самовыражения.

Как отмечает историк причёски И.С. Сыромятникова [23], причёска появилась в первобытном обществе значительно раньше, чем одежда, и изменялась вместе с эволюцией человеческого общества. В обширном исследовании, посвященном анализу основных видов и форм причёсок, головных уборов, укладок и косметики у разных народов с древности до конца XX века, И.С. Сыромятникова [23] прослеживает их эволюцию в зависимости от климатических условий, исторических событий, религиозных убеждений, эстетических взглядов.

Проведенный В.А. Лабунской и О.В. Герасимовой [14] культурно-исторический анализ трансформации отношений к духам позволил им заключить, что функции искусственных запахов в жизни человека видоизменялись на протяжении истории человечества под влиянием религиозных предрассудков, установок и стереотипов общества, его социально-иерархической структуры, уровня экономического развития.

В исследованиях истории костюма [3, 6, 8, 21, 23], наряду с акцентированием культурно-исторической вариативности его функций, оформление внешнего облика изучается также в качестве элемента определенной исторической эпохи, как

отражение нравственно-эстетических представлений своего времени на каждом историческом этапе. Кроме того, анализируется оформление внешнего облика в качестве объекта социальной и гендерной стратификации [7, 8, 10, 27].

Ряд авторов анализируют особенности исторической трансформации одежды, сопровождавшие изменения в представлениях о фемининности и маскулинности [5, 8, 10]. Например, исторические изменения женской моды в контексте сексуально-эротической символики одежды объясняет Дж.С. Флюгель [по 8] в соответствии с теорией «изменения эрогенной зоны», согласно которой в каждую историческую эпоху происходила «эксплуатация» различных частей женского тела в качестве эрогенной зоны, осуществляемая путем их раскрытия либо плотным прилеганием. И. Коном [10] также рассматриваются исторические изменения мужской одежды с точки зрения эротической символики, эволюции канона мужской красоты.

В этнографических и этнопсихологических работах выявлены национально-специфические особенности оформления внешнего облика, его связь с национально-психологическими характеристиками. Обращение к изучению одежды различных народов обнаруживает национально-культурную специфику как народного костюма, так и определенной традиции в отношении к костюму, манере одеваться в различных ситуациях, цветовых предпочтениях [3, 6, 12].

Феномену внешнего облика особое место уделяется в исследованиях возрастного символизма, возрастных обрядов и ритуалов. Отмечается, что тело человека являлось объектом манипуляций в символизации возрастных переходов, например, в ритуалах инициации [9, 27]. Трансформация оформления внешнего облика выступала важнейшим символом изменения возрастного статуса человека. Символический переход человека в новую возрастную группу всегда сопровождался переодеванием, переменой прически (обстрижением волос, заплетанием кос, покрытием головы), нанесением меток на тело (татуировки) [3, 4, 6, 12].

В каждой культуре существует система возрастного символизма, важной составляющей которой являются возрастные эталоны внешнего облика. Этапы жизненного цикла человека осмысливаются с точки зрения роста, развития и старения организма – телесный облик человека определенного возраста рассматривается как показатель жизненной силы, здоровья-болезни [18]. В этнографических исследованиях также описываются традиционные возрастные «нормы» оформления внешности [4, 6]. Так, например, в народной культуре славян ребенку до года не стригли ногтей и волос, детская одежда не имела половых различий (мальчики и девочки ходили в рубахах). Включение детей в социально-трудовую жизнь общины (6-8 лет) сопровождался обрядом надевания штанов и юбки. В течение подросткового периода юноши и девушки «готовили» себе «взрослый» комплект одежды, которую имели право носить только после вступления в брак,

символизирующего обретение взрослости. Существовали в традиционной славянской культуре также нормы оформления внешности для пожилого и старческого возраста. К пожилому возрасту практически исчезали у крашения. Старики, как правило, носили темную или белую одежду, не имели права на новое платье и не соответствующий возрасту покррой. В целом одежда старого человека приближалась к детской по ряду признаков, в ней практически отсутствовали половые различия, даже в праздники запрещалось надевать новое платье, отсутствовали любые у крашения, штаны были не обязательны (для мужчин).

Существование эталонных возрастных репрезентаций оформления внешнего облика в современной культуре подтверждают исследования, посвященные истории костюма [5, 8, 13, 22, 27], феномену моды [1, 7, 8, 17, 24], психологии имиджа [20, 26]. Возрастные характеристики оформления внешности фиксируются в следующих параметрах: степень подачи признаков пола, длина одежды, особенности ее кроя, степень открытости различных частей тела, цветовая гамма костюма, количество косметики, у крашений.

Возрастной аспект оформления внешнего облика фиксируется также при исследовании исторической дифференциации возрастных периодов, возникновения в культурно-исторической перспективе «новых возрастов». Так, например, Ф. Ариес [по 19], прослеживая историческую динамику понятия детства, подчеркивал, что важным символом изменения отношения к детству служила одежда. В средние века, как только ребенок вырастал из пеленок, его сразу же одевали в костюм, ничем не отличающийся от одежды взрослого соответствующего социального положения. Только в 16-17 веках появляется специальная детская одежда, отличающая ребенка от взрослого. С точки зрения Ф. Ариеса, формирование детского костюма стало внешним проявлением глубоких внутренних изменений отношения к детям в обществе. Подобную тенденцию отмечает А.Б. Гофман [7] в отношении молодежной моды, появившейся в XX веке в связи с превращением молодежи в специфическую категорию со своими ценностями, специфическим самосознанием и собственной субкультурой.

Социокультурная вариативность динамических компонентов внешнего облика акцентируется во многих отечественных и зарубежных этнографических, этнопсихологических, кросс-культурных исследованиях [3, 6, 12, 16, 18]. Например, выразительные движения анализируются с точки зрения их специфики в различных типах культур – индивидуалистических и коллективистских. И.Альтман и М.Говейн [по 16] сформулировали «диалектическую теорию невербальной среды», предложив 4 измерения процессов невербальной коммуникации: индивидуальность-общность и открытость-закрытость, в соответствии с которой выделили 4 основных культурных стиля невербальной коммуникации: индивидуально-открытый, индивидуально-закрытый (эти два

стиля характерны для индивидуалистических культур, где невербальное поведение служит поддержанию Я-идентичности) и общинно-открытый и общинно-закрытый стили (характерных для коллективистских культур, где невербальное поведение поддерживает и сохраняет групповые нормы, публичное «лицо» или Мы-идентичность). В отечественных и зарубежных работах проводятся также сравнительные исследования различных элементов экспрессивного поведения (жестов, мимической экспрессии, поз, тактильного взаимодействия, проксемики), свойственных представителям разных культур [12, 15, 16], анализируются этническая специфика невербального поведения и невербальных интеракций в качестве элементов нормативного поведения, традиций, ритуалов, социально-маркированных норм поведения [15, 16]. Результаты работ данного направления, по мнению В.А. Лабунской, свидетельствуют о том, что «необходимо отказаться от наивного представления об универсальности невербальных компонентов выражений эмоций, чувств, отношений и относиться к невербальным паттернам как к образованиям динамичным, подверженным влияниям социокультурных переменных» [15, с. 39]. Культурно-исторический анализ невербального поведения позволяет В.А. Лабунской говорить о существовании устойчивых форм поведения (алгоритмов «паттернов») у людей одной эпохи, одного круга, одного уровня культуры, в которых представлены сочетания индивидуальных, личностных форм поведения с групповыми, социокультурными [15].

Таким образом, анализ исследований внешнего облика в культурологии, истории и этнографии показывает его включенность в определенную исторически и культурно детерминированную перспективу, свидетельствует о социокультурной вариативности представлений о внешности человека, его внешнего выражения, трансформации функций различных элементов внешнего облика в ходе исторического развития. Внешний облик вовлекается в возрастную социокультурную стратификацию, является важным элементом системы возрастного символизма, выступает в качестве символа исторической трансформации возрастных категорий, исторической дифференциации возрастных периодов, фиксируется в эталонных возрастных репрезентациях внешнего облика.

Рассмотрение внешнего облика в качестве культурно-исторического феномена приводит к формулировке тезиса о том, что внешний облик является сложным и исторически изменчивым социокультурным конструктом, культура и этнос конструируют как формы его восприятия, так и способы его репрезентации.

Литература

1. Басин Е.Я., Краснов В.М. «Гордиев у зел» моды // Мода: за и против: Сб. статей / Общ. ред. и сост. В.И. Толстых. – М.: Искусство, 1973. – С. 40-67.

2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Academia-Центр, Медиум, 1995. – 324 с.
3. Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. – М.: Искусство, 1971. – 544 с.
4. Бочаров В.В. Антропология возраста. – СПб.: СПб. ун-т, 2001. – 196 с.
5. Буракова М.В. Интерпретация маскулинности – фемининности внешнего облика субъекта общения. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Ростов н/Д, 2000. – 159 с.
6. Вагдугин В.И. Русская одежда: история народного костюма от скифских до советских времен. – Саратов: Детская книга, 2001. – 352 с.
7. Гофман А.Б. Мода и люди: Новая теория модного поведения. – М.: Наука, 1994. – 160 с.
8. Килошенко М.И. Психология моды. – СПб.: СПГУТ, 2001. – 192 с.
9. Кле М. Психология подростка: (Психосексуальное развитие). – М.: Педагогика, 1991. – 176 с.
10. Кон И.С. Мужское тело как эротический объект // Гендерные исследования, № 3 (2/1999) / Гл. ред. И. Жеребкина. – Харьков: Харьковский центр гендерных исследований, 1999. – С. 297-317.
11. Кон И.С. Открытие «Я». – М.: Политиздат, 1978. – 367 с.
12. Кочетков В.В. Психология межкультурных различий. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 416 с.
13. Кузнецова Е.В., Коробко Е.И. Значение цвета одежды в формировании имиджа деловой женщины // Вестник РГУ. – Вып. 4. – Части 1-2. – Ростов н/Д: РГУ, 1999. – С. 283-288.
14. Лабунская В.А, Герасимова О.А. Гендерная интерпретация парфюмерных запахов // Вестник РГУ. – Вып. 5. – Ростов н/Д: РГУ, 2000. – С. 282-288.
15. Лабунская В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. – Ростов-н/Д: Феникс, 1999. – 608 с.
16. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию: Учебное пособие. – М.: Ключ-С, 1999. – 224 с.
17. Любимова Т.Б. Мода и ценность // Мода: за и против: Сб. статей / Общ. ред. и сост. В.И. Толстых. – М.: Искусство, 1973. – С. 67-77.
18. Мазалова Н.Е. Состав человеческий: Человек в традиционных соматических представлениях русских. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. – 192 с.
19. Обухова Л.Ф. Возрастная психология: Теории, факты, проблемы. – М.: Тривола, 1996. – 360 с.
20. Перелыгина Е.Б. Психология имиджа. – М.: Аспект пресс, 2002. – 223 с.
21. Петрова Е.А. Знаки общения. – М.: Издательство ГНОМ и Д, 2001. – 256 с.
22. Сорины, сестры. Язык одежды, или как понять человека по его одежде. – М.: ГНОМ-ПРЕСС, 1998. – 224 с.

23. Сыромятникова И.С. История прически. – М.: Искусство, 1989. – 373 с.
24. Толстых В.И. Мода как социальный феномен // Мода: за и против: Сб. статей / Общ. ред. и сост. В.И. Толстых. – М.: Искусство, 1973. – С. 7-39.
25. Торэн М.Д. Русская народная медицина XIX – XX в.в. – СПб.: Питер, 1996. – 258 с.
26. Шепель В.М. Имиджелогия: Секреты личного обаяния. – М.: Экономика, 1994. – 294 с.
27. Яременко С.В. Внешность человека в культуре // Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Ростов н/Д, 1997. – 42 с.